

---

---

## СОЦИОЛОГИЯ НАЦИЗМА: ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ В ИСТОРИОГРАФИИ

Э.Э. Шульц

Кафедра международных отношений  
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского  
*ул. Ульянова, 2, Нижний Новгород, Россия, 603005*

Статья посвящена изучению основных выводов и достижений зарубежной историографии в вопросе социальной базы нацизма и социологии германского нацизма начала 1930-х гг. Социальный состав НСДАП, партийных структур, избирателей партии — вот ключевые вопросы исследования. Основной акцент делается на рассмотрении проблемы поддержки национал-социалистов средним классом и рабочим классом и дискуссии среди исследователей по данной теме.

**Ключевые слова:** социология политической истории Германии; социальная база нацизма; историография социологии нацизма.

Хотя в советское время изучение проблем социальной базы нацизма и провозглашалось одной из важнейших задач, отечественная наука всегда испытывала дефицит в обстоятельных исследованиях данного вопроса. Фактически после работы А.А. Галкина, построенной по большей части на выводах зарубежных исследований 1930—1960-х гг., таких попыток не предпринималось. Более того, если на момент конца 1960-х, когда вышла работа А.А. Галкина, она еще соответствовала основным достижениям мировой науки, то уже в 1989 г., когда появилось второе издание книги [1], исследование стало выглядеть анахронизмом. Кроме того, и для советского периода, и для современных российских реалий проявляется недостаток знакомства с зарубежными исследованиями и выводами ведущих исследователей проблем социологии электоральной и политической истории конца 20-х — начала 30-х гг. XX в., прихода нацистов к власти и социальной базы НСДАП. В связи с этим изложение основных выводов и достижений зарубежной историографии в вопросе социальной базы нацизма приобретает особую актуальность.

Изучение германского нацизма началось уже в 1930-е гг.

Историков, социологов, политологов, журналистов, общественных деятелей привлекали темы причин возникновения этого явления и его социальной базы. В это же время появляются и первые социологические исследования выборов и анализ социальной базы нацизма: работы Ганса Найссера, Хайнца Херца, Теодора Гайгера, Теодора Абеля [2; 12; 17; 26].

Ганс Найссер после выборов в рейхстаг 1930 г. исследовал проблему социальной поддержки различных партий в Германии и опубликовал результаты своих изысканий [26. S. 654].

Найссер признает, что статистический материал не позволяет дать точные ответы, данные относительно и несут очень приблизительное значение, приводимая социальная стратификация неточна и весьма условна [26. S. 654, 656].

Что касается «социалистического электората», Найссер отмечает, что число избирателей СДПГ и КПП в сумме соответствует почти точно числу промышленных рабочих, однако, — добавляет исследователь, — «это — больше случай, так как не все рабочие голосуют за эти социалистические партии, а часть вообще не участвует в выборах» [26. S. 657].

Далее автор приходит к выводу, что примерно 40% избирателей СДПГ — это не индустриальные рабочие, а избиратели КПП состоят почти исключительно из этой социальной категории [26. S. 658]. Более 20% индустриальных рабочих не голосовали за социалистические партии, а отдавали свои голоса другим партиям; эти голоса Найссер эмпирически делит поровну: 10%, по его мнению, могли голосовать за Центр, другие 10% — за национал-социалистов [26. S. 658].

Второе случайное совпадение, подмеченное Найссером — это совпадение количества голосов, поданных за НСДАП — 6,4 млн — и количество избирателей в возрасте от 20 до 25 лет. Реально, по мнению Найссера, за НСДАП голосовало от 25 до 50% молодого электората в возрасте от 20 до 25 лет. Эта возрастная категория составляла примерно 15% от всех избирателей [26. S. 658—659]. Найссер делает предположение, основываясь на некоторых цифрах и рассуждениях, что, вероятно, голоса НСДАП формируются от 15 до 20% из промышленного рабочего класса, от 20 до 25% из сельского хозяйства, остальные, в большинстве своем, — из представителей предприятий мелкого и среднего бизнеса, служащих и пенсионеров [26. S. 659]. Что касается соотношения города и деревни, то Найссер полагает, что нацисты получали 40—45% «сельскохозяйственных голосов» (9—10% от числа всех избирателей страны) — доля в этой категории больше других партий. Можно предположить, предлагает Найссер, с большой долей вероятности, что служащие будут более представлены среди избирателей национал-социалистов, чем независимые предприятия малого и среднего бизнеса. Дальнейшие уточнения Найссер считал невозможными [26. S. 659].

В 1934 г. Теодор Абель, социолог из Колумбийского университета, провел опрос нескольких сотен членов НСДАП, в результате которого сделал выводы о социальном составе партии, причинах вхождения различных групп и индивидов в партию и, глобально, социальных причинах прихода Гитлера к власти; книга увидела свет в 1938 г. в США [2. P. XIII—XIV].

Анкеты Абеля дали различные социологические сведения, в частности, что протестантов в рядах НСДАП было больше, чем католиков, почти половина анкетированных состояла в браке, 79% никогда не меняли место жительства, 63% никогда не меняли работу, 87% никогда не меняли сферу занятий, 80% никогда не были безработными [2. P. 313]. Абель предпринял первую попытку построить всестороннюю модель социальной структуры членства НСДАП, и его статистические данные и выводы продолжают оказывать влияние на историческое мнение, особенно в части, что национал-социализм был прежде всего движением мелкой буржуазии и среднего класса [25. P. 26, 141—142].

Таким образом, 1930-е гг. породили «теорию среднего класса» с дополнениями о маргинальном и безработном составе НСДАП. В конце 30-х этот подход уже

был самым популярным среди исследователей. Между тем современная нацистам пресса отмечала, что социальный состав нацистов был более неоднородным, чем считается в академических исследованиях с их гипотезой о среднем классе, принятой большинством [8. Р. 9]. Представление о нацистах как партии всего народа (Volkspartei), основанной на поддержке всех социальных групп, возникло в исследовательской среде тоже с началом 1930-х вместе с нацистской пропагандой, но нашло немногочисленных приверженцев в научных кругах [8. Р. 35; 24. Р. 2—3; 25. Р. 55]. Теория среднего класса получила максимальное количество сторонников во второй половине XX в. [25. Р. 31—34, 141—142].

Ни одно послевоенное десятилетие не обошлось без новых всплесков исследовательского интереса к социальной базе нацизма: начиная с конца 1940-х и 50-х гг., которые были связаны в первую очередь с именами Рудольфа Хеберле, Гарольда Лассуэлла, Самуэля Пратта и Карла Брахера [4; 15; 20; 27], переходя в 60-е с исследованиями Мартина Бросцата и Вильяма Аллена [3; 5].

Одним из самых значимых исследований стала работа немецкого исследователя Генриха Штрифлера, вышедшая в 1946 г. [28]. Первое важное наблюдение, которое сделал Штрифлер — это зависимость в период 1928—1933 гг. изменений количества не определившихся с выбором избирателей в сумме с недействительными бюллетенями с увеличением или снижением набранных голосов НСДАП. На выборах 1930 г. и июля 1932 г. резко сократилось количество неопределившихся избирателей и недействительных бюллетеней: сначала на 2,9 млн, а затем еще на 0,9 млн в сумме. Это был период сильного роста НСДАП. На ноябрьских выборах 1932 г. в сравнении с июльскими количество неопределившихся избирателей и недействительных бюллетеней резко вырастает — на 1,6 млн. Это время потери НСДАП 2 млн голосов. На мартовских выборах 1933 г. снова происходит резкое уменьшение числа неопределившихся избирателей и испорченных бюллетеней — на 3,5 млн. Рост голосов НСДАП составил 5,5 млн голосов [28. S. 23].

Это наблюдение Штрифлера о взаимосвязи динамики активности избирателей и голосов, отданных за НСДАП, прочно укрепилось в историографии. Второе важное наблюдение Штрифлера, которое вошло в историографию, связано с указанием на большое пополнение молодых избирателей в период второй половины 1920-х — начала 1930 гг., которые изменили результаты голосования [28. S. 17].

Штрифлер установил степень активности голосования по возрастному и гендерному делению. Наиболее активно голосующими возрастными группами были категории от 40 до 55 лет, затем — от 55 до 65 лет, далее идут группы младше 35 или старше 65 лет. Среди женского электората наиболее активными были женщины от 35 до 45 лет, следующие активные группы — от 20 до 35 и от 45 до 60, за ними — категория старше 60 лет [28. S. 18]. Женское население было чуть менее активным в выборах, но превалирование избирателей-мужчин было незначительным; исследователь определяет его в 5—7% [28. S. 18]. Процент женщин, голосующих за НСДАП и СДПГ, по расчетам Штрифлера, был примерно равен мужскому, среди голосующих за КПП доля женщин резко меньше — 40% на 60%. Доля женского электората резко превышала мужскую долю для партии Центра и Баварской народной партии (пропорция 60 на 40) [28. S. 21].

Выводы Штрифлера определили не только историографию социологии выборов в Германии в 1920—1930-х гг. и социальной базы НСДАП для исследователей Западной Европы и Северной Америки, но и через работу А.А. Галкина «Германский фашизм», вместе с выводами о том, что социальную базу нацизма составлял средний класс, оказали решающее влияние на советскую и российскую историографию [1. С. 170—171].

Если оценить в общем подход послевоенных исследований социальной базы нацизма, то здесь бросается в глаза, что представление об НСДАП как партии мелкой буржуазии и среднего класса стало ортодоксальным подходом в интерпретации нацизма, который нашел отражение фактически во всех основных исследованиях нацизма, изданных как до, так и после Второй мировой войны [24. Р. 2—3]. С середины 1970-х гг. вектор исследований меняется: все громче поднимаются голоса, дискутирующие с теорией среднего класса. Серьезный пересмотр «теории среднего класса» в пользу «Volkspartei» произошел в первой половине 1980-х гг. и связан с одновременной группой исследований Микаэля Катера, Томаса Чилдерса, Дирка Хэниша, Юргена Фальтера [6; 7; 14; 18].

Канадский историк Микаэль Катер выпустил в 1983 г. фундаментальный труд о социальном профиле членов НСДАП [18].

Графики Катера демонстрируют, что основную массу вступающих в НСДАП в 1930-е гг. составляли представители нижних слоев среднего класса (устойчивый уровень выше 50%) и нижних классов — рабочих (устойчивый уровень выше 30%). Графики наглядно демонстрируют падение в период 1930—1932 гг. процента вступающих рабочих и рост в категории «lower middle class». Эти же данные демонстрируют незначительную долю высших слоев среднего класса и элиты, рост процента в период 1930—1933 гг. и падение процента этой категории населения среди вступающих в НСДАП после 1933 г.

В любом случае две самые значительные категории членов НСДАП представляли нижние слои среднего класса и рабочий класс [18. Fig. 2, 3]. Так, например, в Тюрингии в период 1925—1934 гг. рабочие составляли от 32,6 до 36,5% членов НСДАП. Фермеры представляли от 7,4 до 9,7%, служащие — от 11 до 14,3%. Примечательно, что доля учителей из общего числа государственных служащих составляла в рядах НСДАП в Тюрингии от 28,6% до 35,5%, в зависимости от года [18. Р. 260].

С одной стороны, Катер полемизирует с точкой зрения о маргинальном происхождении представителей мелкой буржуазии и фрустрированных индивидов из средних слоев в НСДАП, с другой, — продолжает, несмотря на приводимые в своей работе данные, утверждать, что средний класс и мелкая буржуазия составляли абсолютное большинство членов НСДАП и функционеров партии [18. Р. 229, 236].

Возрастное распределение членов НСДАП на декабрь 1934 г., представленное Катером, дает наибольший процент в возрастной группе от 18 до 30 лет — 37,6% и от 31 до 40 лет — 27,9%, что в сумме составляет свыше 65% членов НСДАП. Что касается партийных функционеров, то здесь ведущие возрастные категории — это от 31 до 40 — 44,6% и от 41 до 50 лет — 26,4%: в сумме свыше 70% [18. Р. 261].

Катер приводит данные по гендерному составу вступающих в НСДАП: так, в период 1925—1932 гг. соотношение мужчин и женщин составляло 92,2% и 7,8%, соответственно, а в 1933 г. — 94,9% и 5,1% [18. Р. 254]. Возрастной состав партийных функционеров в сравнении с общим составом членов партии смещается в сторону более старших возрастных категорий: средний возраст партийных функционеров выше, чем в среднем по партии [18. Р. 235]. Доля женщин среди функционеров становится еще меньше, чем их доля среди членов партии [18. Р. 235]. Кроме того, чем выше был ранг функционера, тем больше среди них встречалось представителей элиты [18. Р. 236].

Уязвимость указанных данных с точки зрения репрезентативности заключается в том, что 1929 г. был стартом роста рейтинга нацистов, а в 1934 г. они уже представляли не только партию власти, но и фактически единственную партию в стране.

В 1983 г. вышло и исследование американского историка Томаса Чилдерса, посвященное формированию нацистского электората. Чилдерс провел анализ данных по 500 городам разного размера (от 15 тыс. до выше миллиона жителей) и сельских округов. Он использовал ценз 1925 г., который классифицировал население Германии в соответствии с сектором экономики, профессиональным занятием, религиозной принадлежностью, возрастом, полом. Сектора экономики делились согласно подходу Германского статистического Бюро в 1925 г. на: 1) сельское хозяйство и лесоводство, 2) промышленность и ремесленное производство, 3) торговлю и перевозки, 4) административные и профессиональные услуги, 5) сферу здравоохранения, 6) бытовые услуги. По профессиональным занятиям население делилось на: 1) независимых (95% из которых приходилось на обслуживающих собственные предприятия — представителей старого среднего класса), 2) государственных служащих и «белых воротничков» (новый средний класс), 3) рабочих. Все эти группы, хоть и в различной степени, оказывали поддержку НСДАП [6. Р. 125, 141, 156—157, 170—171, 186—187, 189, 209, 211, 222—223, 241—242, 254—255, 261].

Дирк Хэниш в изучении социальной базы НСДАП в Саксонии пришел к выводу, что исследование не дает связи между областями высокого уровня безработицы и успехом НСДАП. Такая связь прослеживается для КПП: чем выше был уровень безработных, тем сильнее была КПП и слабее НСДАП [13. Р. 221]. Хэниш уверен, что в 1932 г. НСДАП мобилизовала больше представителей рабочего класса в свою поддержку, чем КПП и СДПГ [13. Р. 228]. «Исследование результатов выборов, — пишет Хэниш, — в 154 городах, местных населенных пунктах и областях показывает, что пропорция рабочих среди избирателей НСДАП была такой же, как и у СДПГ» [13. Р. 228].

По мнению Юргена Фальтера, профессиональный фактор, при всей его важности, играл незначительную роль в сравнении с факторами конфессии и проживанием в городах [8. Р. 25—26]. По расчетам Фальтера, наибольшее количество голосов на выборах 1930—1932 гг. НСДАП дало не католическое население Германии, более трети голосов в 1932 г. на обоих выборах [9. Р. 120].

Если обратить внимание в данных Фальтера на конфессиональные доли электората у СДПГ и КППГ, то и здесь обнаружим превалирование некаатолического населения. Примечательно, что количество «неголосующих» среди «некаатоликов» было меньше, чем среди католиков, и это количество уменьшалось в период 1930—1933 гг. [9. Р. 121]. Таким образом, согласно данным Фальтера, объединяются два тезиса: о большей поддержке нацистов протестантским населением и что рост голосов НСДАП обеспечивался за счет категории «неголосующих». В июле 1932 г., — определяет Фальтер, — более 40% голосующих, которые поддерживали буржуазные протестантские партии, в 1930 г. переключились на НСДАП. Неголосующие или те, кто не принимал участие в предыдущих выборах, создали самую большую долю голосов, перетекших к нацистскому движению — более 14% пришло из этого источника [10. Р. 382].

В Веймарской республике не все рабочие голосовали за левые партии, и не все поддерживали исключительно две «рабочие партии» СДПГ и КППГ [8. Р. 9]. По расчетам Фальтера, по крайней мере, треть рабочего класса голосовало за другие партии [8. Р. 10]. Рабочий класс был неоднороден, утверждает Фальтер, и меньшинство рабочего класса республики принадлежало к классическому индустриальному рабочему классу: из наемных рабочих 17% были заняты сельским хозяйством или лесоводством, еще 17% были заняты в сфере услуг, оставшиеся две трети были заняты в производстве, которое включало и ремесленные мастерские и промышленные предприятия.

Если установить границу между ремесленными предприятиями и промышленными компаниями на уровне 10 наемных работников, как сделал Фальтер, то 40% рабочих окажутся работниками ремесленных мастерских, еще 15% — на предприятиях с количеством сотрудников менее 50 человек. Только меньшинство рабочих — около 30% — было занято на средних и крупных промышленных предприятиях, менее 10% работало действительно в крупных компаниях с персоналом более тысячи сотрудников. Кроме того, незначительное большинство немецких рабочих продолжало проживать в небольших поселениях и маленьких городах с населением менее 10 тыс. жителей, только четверть рабочего класса происходило из крупных городов.

Действительно, городской пролетариат, который обычно признается типичным проявлением современного промышленного рабочего класса, составлял только меньшинство рабочего класса в Веймарской республике [8. Р. 11].

Ю. Фальтер уверен, что проблемы исследования социальной базы нацизма кроются в «убийственной разнице», заключенной в собирательном социально-статистическом образе «рабочего». «Условия жизни сельскохозяйственных рабочих отличались от таковых у промышленных рабочих, а те, в свою очередь, отличались от условий жизни железнодорожных рабочих, почтовых служащих, местных государственных служащих» [8. Р. 16]. Это разница определяла и различие в их электоральном поведении. Общий ход исследования в данном направлении приводит исследователя к выводу, что с выборов 1930 г. в рейхстаг прослеживается устойчивая связь: чем выше доля сельскохозяйственных рабочих в составе избирателей

определенной территории, тем лучше результаты НСДАП, и эти результаты становятся хуже с ростом доли рабочих, принадлежащих ко второму и третьему указанному сегменту экономики [8. Р. 16—17].

Фальтер, как и Хэниш, уверен, что существует отрицательная корреляция между цифрами безработицы и уровнем голосов за НСДАП [9. Р. 114], т.е. полувековые утверждения, что НСДАП поддерживал не «настоящий» рабочий класс, а, в частности, безработные, оказались несостоятельными. Второй важный вывод в этом направлении заключается в том, что пропорция рабочего класса в населении не оказывала значительного влияния на электоральные показатели НСДАП ни в 1930, ни в 1932 г. Разница в коэффициенте корреляции между территориями с низкой и высокой долей рабочих минимальна. Однако присутствует существенная деталь: повышение рейтинга НСДАП между 1930 и июлем 1932 г. и между ноябрем 1932 и мартом 1933 г. несколько менее отмечено в районах, содержащих более высокий процент рабочих [8. Р. 12—13].

Дирк Хэниш в исследовании социальной базы НСДАП в Саксонии пришел к противоположным Фальтеру выводам относительно зависимости рейтинга НСДАП от доли промышленных рабочих. Во-первых, Саксония исторически была бастионом социалистов, но тем не менее здесь уровень голосования за НСДАП был выше среднего по стране [13. Р. 221]. Во-вторых, «не имело значения, если у города или сельской общины был низкий или высокий процент жителей рабочего класса: не было никаких линейных ассоциаций с нацистскими успехами» [13. Р. 226].

Если Катер приводит цифры о новых членах НСДАП в период 1930—1934 гг., как мы указывали, на уровне от 32 до 36% представителей рабочего класса, то Фальтер, основываясь на данных BDC (Berlin Document Center), приходит к выводу, что эта доля составляла 40% в период 1925—1932 гг. [8. Р. 36]. Голоса среднего класса составляли самое большое «тело» поддержки НСДАП — 40% от всех избирателей [8. Р. 40]. Электоральная поддержка от домовладений рабочего класса (рабочий и его семья) составляла от 30 до 40% [8. Р. 35].

После июля 1932 г. за НСДАП голосовало больше рабочих, чем за СДПГ и КППГ [8. Р. 35]. Таким образом, ни одна профессиональная группа не доминировала у национал-социалистов безоговорочно, количество рабочих избирателей не позволяет называть НСДАП партией или движением среднего класса, а успех НСДАП обеспечивался различными источниками поступления голосов избирателей [8. Р. 40]. НСДАП, считает Фальтер, была наиболее «народной» партией и партией «всей нации», чем любая другая партия в Германии [8. Р. 41].

Во всяком случае, продолжает эту идею немецкий исследователь Детлеф Мюльбергер, НСДАП имела право носить название народной или массовой партии (Volkspartei) больше, чем любая другая партия среднего класса: НСДАП имела основную поддержку в средних классах, но поддержка рабочего класса была очень значительной. Основу НСДАП, по Мюльбергеру, составляли средние и низшие классы [22. Р. 213, 214, 215, 218—219].

В целом по стране количество рабочих, вступивших в НСДАП с сентября 1930 г. до 30 января 1933 г., составляло 32,5% [25. Р. 63]. Этот вывод немецкий ис-

следователь подтверждает данными по Саксонии. Работающие не по найму, нижний и средний уровень «белых воротничков», государственные служащие коллективно представляли большинство в саксонском НСДАП во всех годах за исключением 1926 и 1931 г. Выходцы из элит стали более заметны в составе партии после 1929 г. Средние классы составляли 58,3%, а выходцы из верхушки общества — 6,7% в 1933 г. [22. Р. 214]. Данная структура НСДАП была характерна не только для районов превалирования нацистов, но и в «твердых» СДПГ и КППГ, там, где позиции СДПГ и КППГ были традиционно сильны [22. Р. 218—219].

Мюльбергер констатирует, что единственные полные данные, которыми обладают исследователи по социальной структуре нацистской партии со времени ее реформирования в 1925 г. до прихода Гитлера к власти в 1933 г., содержатся в «Статистике Партии» (Partei-Statistik), сделанной нацистами в 1935 г.

Историки и социологи сходятся во мнении, что Partei-Statistik представляет собой аккуратно отредактированную картину действительности с пропагандистскими целями [22. Р. 213]. Это определяет скептическое отношение к данному источнику. Однако в результате исследования социального состава НСДАП в Саксонии Мюльбергер приходит к выводу о сходстве данных этого источника с теми, что получаются по указанному региону. Так, например, исследование показывает, что доля рабочих, вступивших в НСДАП в период до 14 сентября 1930 г., даже выше 29,5%, которые дает «Партийная статистика» (Partei-Statistik) [22. Р. 214]. А именно доля рабочих в этом источнике, как правило, ставилась под сомнения (приписывая нацистам стремление зависить эту долю для доказательств поддержки в рабочем классе). Согласно данным Berlin Document Center (BDC), 37,5% членов саксонского НСДАП в период с 15 сентября 1930 г. до 30 января 1933 г. являлись выходцами из рабочего класса, что незначительно выше, чем число, приведенное в Partei-Statistik [22. Р. 215].

Разница в данных источников укрепляет аргумент автора, что нацисты были способны мобилизовать значительное число представителей рабочего класса в свои ряды до своего прорыва на выборах 1930 г., но столкнулись с трудностями в этом вопросе на длинном промежутке: НСДАП была особо успешна в завоевании поддержки среди саксонских рабочих в промежутке 1925—1927 гг. [22. Р. 214—215].

Таким образом, заключает Мюльбергер, есть все основания согласиться с утверждением, сделанным нацистами еще задолго до того, как они захватили власть, что их партия была массовым движением всего народа — Volkspartei [23. Р. 48]. Согласно Partei-Statistik, 31,5% из всех тех, кто присоединился к НСДАП по всей стране между 1925 г. и 30 января 1933 г., составляли рабочие. Для Мюльбергера картина представляется таким образом: на региональном уровне доля рабочих в партии до 1933 г. колебалась от нижнего уровня 24% в Большом Берлине к верхнему уровню 43,8% в Южной Вестфалии [23. Р. 48].

Многие авторы подчеркивают тот факт, что рабочие редко занимали руководящие посты в НСДАП. «Исследования социального состава местных групп лидеров НСДАП, — пишет Тимоти Мэйсон, — представляют исключительно буржуаз-



ные профессии — чиновники, школьные учителя, доктора, служащие, мелкие предприниматели (работающие не по найму, обслуживающие собственные предприятия), продавцы, офицеры в отставке, инженеры, студенты» [21. Р. 50].

Как справедливо отмечает Мэйсон, эти люди были не удовлетворены существующей структурой власти в немецком обществе и испытывали глубокое недоверие к старой правящей элите, были заинтересованы в собственном продвижении и обеспечении выгодного положения в пределах новой элиты, для чего обладали и образованием и часто опытом в администрации и организации [21. Р. 50].

Исследователи приводят различные данные о социальном составе СА и СС в качестве партийных подразделений в период 1925—1932 гг. Микаэль Катер в 1970-е гг. оспаривал, что СА преимущественно состояла из представителей мелкой буржуазии, согласно его классификации 70—80% СА составляли представители нижнего среднего класса. Конан Фишер в конце 1970-х оценил тот же материал, но пришел к радикально отличным от Катера выводам, используя иную профессиональную модель, включив квалифицированных рабочих и занятых в ремесленном производстве в состав рабочего класса. Согласно его выводам, 63,4% членов СА между 1929 г. и январем 1933 г. составляли неквалифицированные рабочие со средней квалификацией и квалифицированные рабочие. Детлеф Мюльбергер определяет долю рабочего класса в составе СА и СС свыше 40%, и столько же среднего класса (43,9% низших классов, 47,9% средних классов, 4% элиты).

Таким образом, исследования представляют различные проценты рабочих и среднего класса, указывая их в объеме от 30 до 70% состава СА. Примерно такая же картина складывается в историографии с социальным составом СС [11. Р. 109; 24. Р. 26, 40, 58, 59, 60—61, 64—65, 68—69, 76].

Данные Мюльбергера кажутся наиболее репрезентативными с точки зрения изучения социальной базы нацистов в период их борьбы за власть, так как он оценивает вступивших в ряды до января 1933 г. [23. Р. 47, 73; 24. Р. 58, 65].

В 1990-х Мюльбергер написал, что теперь существует относительно общее согласие среди историков, социологов и политологов, что существенная степень нацистской поддержки прибыла из рабочего класса [23. Р. 47]. Однако уже в начале 2000-х ему пришлось снова отметить, что «на базе субъективных утверждений, не основанных на любых значимых доказательствах, современные политические комментаторы, политологи и историки приходят к выводам, что в период борьбы за власть — с основания партии до назначения Гитлера канцлером 30 января 1933 г. — НСДАП была партией среднего класса (Mittelstandspartei), или несколько точнее — нижних слоев среднего класса» [24. Р. 2].

Таким образом, способность нацистов мобилизовать рабочий класс в свою поддержку и степень поддержки НСДАП рабочим классом оставались объектом дискуссий с начала 1930-х гг. и до сегодняшнего дня — между теми исследователями, кто отстаивал гипотезы Mittelstandspartei или Klassenpartei — «партии среднего класса» и подход классовости нацистской партии (в данном случае — принадлежности к среднему классу) — и теми, кто защищал тезис о том, что НСДАП была Volkspartei или Massenbewegung — народной партией, массовым движением — которая выходила за пределы одного класса и питалась поддержкой всех

крупных социальных групп Веймарской республики: представителей средних классов, рабочего класса, элиты. Представители первого направления отрицают, сводят к минимуму и относят к маргиналам представителей рабочего класса в рядах нацистов, представители второго — указывают на достаточно высокую долю рабочих, как в самом движении, так и среди избирателей [23. Р. 48].

Длительная приверженность к теории среднего класса, неудовлетворенность иными подходами толкает на поиск компромиссных решений и комбинированных теорий. В последнее время стали предприниматься попытки снова выйти за рамки двух школ: «классовой» и «всенародной» (или «catchall party»). Однако серьезных аргументов против «catchall party» не находится, — несмотря на критику обеих теорий и попытки уточнений, авторы все равно возвращаются к теории массовой партии, охватившей различные слои немецкого общества («catchall»), а с точки зрения социального анализа все возвращается на круги своя: снова деление на католические и протестантские районы, белые и синие воротнички и т.д. [19].

Несмотря на вывод о наличии в рядах НСДАП и среди ее избирателей представителей всех социальных классов, споры о составе рабочего класса и так называемых средних классов продолжают. Несогласие среди исследователей социальной структуры немецкого общества 1920—1930-х гг. в определении границ социальных групп и их долей приводят к разнообразным точкам зрения и разнице в подсчетах [25. Р. 57—59]. Большинство анализов в последние три десятилетия связаны с использованием математических и компьютерных методов в исследовании социального состава НСДАП и партийного электората. Катер, Фальтер, Мадден, Хэниш, Мюльбергер и многие другие авторы сделали, пожалуй, все возможное в этом направлении. Другое дело, что такой вид анализа сильно ограничен существующими источниками, терминологической временной разницей и другими факторами.

Главный вывод современной историографии кроется в том, что к 1932 г. нацисты смогли поглотить избирателей, хоть и в разных пропорциях, от всех партий и политических лагерей [13. Р. 225]. Бывшие неголосовавшие и избиратели различных расколовшихся партий создали основной контингент электората НСДАП с 1932 г. и далее [13. Р. 225], причем речь идет не только о партиях федерального уровня, но и о региональных. Распад региональных партий и движений, которые аккумулировали протестные настроения, «подтолкнул» их членов и избирателей к НСДАП [16. Р. 234].

Способность привлечь существенную долю рабочего класса в свои ряды и избиратели из социал-демократического и даже коммунистического лагеря сыграли при этом одну из решающих ролей [11. Р. 109]. Сложно судить о точных количественных показателях, но то, что такой процесс происходил, безусловно. К формированию имиджа «народной партии» вел успех в привлечении на свою сторону представителей разных конфессий: «Электоральный успех нацистов в католических районах южного Бадена, южной Баварии и некоторых районах Нижней Силезии усиливало восприятие НСДАП как „народной партии“ („Volkspartei“) и не только с точки зрения классов и социальных групп, но, в первую очередь, с религиозной точки зрения» [16. Р. 235].

## ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Галкин А.А.* Германский фашизм. — М.: Наука, 1989.
- [2] *Abel T.F.* Why Hitler Came Into Power. — Harvard University Press, 1986.
- [3] *Allen W.S.* «Das haben wir nicht gewollt!» Die nationalsozialistische Machtergreifung in einer Kleinstadt 1930—1935. — Gütersloh: S. Mohn, 1966.
- [4] *Bracher K.D.* Die Auflösung der Weimarer Republik. — Stuttgart, 1955.
- [5] *Broszat M.* Der Staat Hitlers. — München, 1969.
- [6] *Childers T.* The Nazi Voter. The Social Foundations of Fascism in Germany 1919—1933. — University of North Carolina Press, 2010.
- [7] *Falter J.W.* Die Wähler der NSDAP 1928—1933. Sozialstruktur und parteipolitische Herkunft // Die nationalsozialistische Machtergreifung / Hg. von W. Michalka. — Paderborn, 1984.
- [8] *Falter J.W.* How Likely Were Workers to Vote for the NSDAP? // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany / Ed. by C. Fischer. — Berghahn Books, 1996.
- [9] *Falter J.W.* The Economics Crisis of the 1930's // Politics and Political Change: A Journal of Interdisciplinary History Reader / Ed by R.I. Rotberg — MIT Press, 2001.
- [10] *Falter J.W.* The Social Bases of Political Cleavages in the Weimar Republic, 1919—1933 // Elections, Mass Politics, and Social Change in Modern Germany: New Perspectives / Ed. by Larry Eugene Jones, James Retallack. — Cambridge University Press, 1992.
- [11] *Fischer C.* The Rise of the Nazis. Second Edition. — Manchester University Press, 2002.
- [12] *Geiger T.* Die soziale Schichtung des deutschen Volkes. — Stuttgart: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1932.
- [13] *Hänisch D.* A Social Profile of the Saxon NSDAP Voters before 1933 // Szejnmann C-C.W. Nazism in Central Germany: The Brownshirts in 'red' Saxony. — Berghahn Books, 1999.
- [14] *Hänisch D.* Sozialstrukturelle Bestimmungsgründe des Wahlverhaltens in der Weimarer Republik. — Duisburg, 1983.
- [15] *Heberle R.* From Democracy to Nazism: a Regional Case Study on Political Parties in Germany. — Baton Rouge, Louisiana: Louisiana State University Press, 1945.
- [16] *Heilbroner O.* Catholicism, political culture, and the countryside: a social history of the Nazi Party in south Germany. — University of Michigan Press, 1998.
- [17] *Herz H.* Über Wesen und Aufgaben der politischen Statistik: Eine statist. Studie. — Kästner, 1932.
- [18] *Kater M.H.* The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders 1919—1945. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1983.
- [19] *King G., Rosen O., Tanner M., Wagner A.F.* Ordinary Economic Voting Behavior in the Extraordinary Election of Adolf Hitler // The Journal of Economic History. — 2008. — Vol. 68.
- [20] *Lasswell P.* The Psychology of Hitlerism as a Response of the Lower Middle Class to Continuing Insecurity // Lasswell P. The Analysis of Political Behavior. — Routledge, 2002.
- [21] *Mason T.W.* Social Policy in the Third Reich: The Working Class and the National Community, 1918—1939. — Berg, 1993.
- [22] *Mühlberger D.* A Social Profile of the Saxon NSDAP Membership before 1933 // Szejnmann C-C.W. Nazism in Central Germany: The Brownshirts in 'red' Saxony. — Berghahn Books, 1999.
- [23] *Mühlberger D.* A Workers' Party or a Party without Workers? // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany / Ed. by C. Fischer. — Berghahn Books, 1996.
- [24] *Mühlberger D.* The Social Bases of Nazism, 1919—1933. — Cambridge University Press, 2003.
- [25] *Mühlberger D., Madden P.* The Nazi Party: The Anatomy of a People's Party. 1919—1933. — Peter Lang, 2007.
- [26] *Neisser H.* Sozialstatistische Analyse des Wahlergebnisses // Die Arbeit. — 1930. № 7.
- [27] *Pratt S.A.* The Social Basis of Nazism and Communism in Urban Germany. A Correlational Study of the July, 31, 1932 Reichstag Election in Germany. — Michigan State University, 1948.
- [28] *Striefler H.* Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen. — Düsseldorf, 1946.

## **SOCIOLOGY OF NAZISM: THE BASIC APPROACHES OF THE HISTORIOGRAPHY**

**E.E. Shults**

Chair of International Relations  
State University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky  
*Ulianova str., 2, Nizhny Novgorod, Russia, 603005*

The article considers the key findings and achievements of the foreign historiography in the study of the social base of Nazism and the sociology of German Nazism at the beginning of the 1930s. The social composition of NSDAP, the party structures and voters are the main topics of the research. The emphasis is made on the national socialists' support by the middle class and the working class as well as on the lines of scientific discussion on this topic.

**Key words:** sociology of German political history; the social base of Nazism; historiography of the sociology of Nazism.

### **REFERENCES**

- [1] *Galkin A.A. Germanskij fashizm.* — M.: Nauka, 1989.